

Александр Гальпер

Коронавирус на вэлфере

Записки сограбтника

Месяц назад к моему столу подскочил бегущий куда-то коллега:

— Алекс! Профсоюзное собрание наверху. Будут рассказывать, как профсоюз готовится к эпидемии коронавируса.

— Да у меня тут куча работы. И скучно мне слушать всю эту болтовню.

— Там будет пицца твоя любимая. Посмотрим, кто съест больше. В прошлый раз ты меня обогнал. А я был чемпионом нашего офиса десять лет. И сыров там разных будет куча.

— А вот это еще один минус. Худею.

— Ну, как хочешь. Мне больше достанется.

Сегодня узнал, что все, кто был на том собрании, позаражались. Президент профсоюза, который вел собрание, в больнице в тяжелом состоянии.

* * *

Саманта была наркоманкой с многолетним стажем и кучей психических проблем. Мы всем офисом искали ей квартиру. Наконец нашли. Казалось бы, можно вздохнуть с облегчением. Думал я, что никогда ее больше не увижу. Живи в своей квартире и делай что хочешь. Меня не волнует. Все, что мы могли для тебя — сделали. Не видел Саманту уже год. Звонит сегодня секретарша:

— К тебе Саманта. Кашляет и чихает вовсю. Надевай, если есть, не маску, а противогаз и скафандр. Она с чемоданом и сумкой.

Блин! Кашляет! В разгар эпидемии должна прийти именно она. Вчера в Нью-Йорке 760 человек умерло. Я напялил две маски, резиновые перчатки и направился в приемную:

— Саманта! Что случилось?

— Алекс! Направьте меня в ночлежку.

— Зачем тебе ночлежка? У тебя такая замечательная квартира!

— Я знаю. Но в моей квартире живет слишком много чужих людей. Все время продают наркотики, валяются какие-то незнакомые люди на полу в отключке, полиция взламывает двери. Забегают с пистолетами наперевес. Я не могу этого вынести!

Александр Гальпер — прозаик, поэт. Родился в Киеве в 1971 году и в возрасте 18 лет эмигрировал с родителями в Америку. Окончил литературный факультет Бруклин-колледжа. Книги стихов и прозы выходили в России, США, Германии и Швеции. Финалист премии «Нонконформизм». Пятнадцать лет работает в Нью-Йорке социальным работником. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Какие люди у тебя? Это же твоя квартира! Ты не знаешь, кто в твоей квартире?
— Я об этих людях знаю не больше вас. Зашли и сказали, что теперь будут здесь жить. Дали мне чего-то курнуть. Вначале хорошо со мной обращались. Теперь на меня кричат, дерутся. Прогоните их всех!

— Город не может платить и за твою квартиру, и за ночлежку. Контракт у города с домовладельцем. Ты хочешь, чтобы я пошел к тебе и разогнал наркодилеров? Иди в полицию! Я тебе сейчас дам адрес отделения, ближайшего к твоему дому.

— Вы отказываетесь мне помогать? Старой больной женщине? Где ваша совесть? Я пошла в мэрию на вас жаловаться!

* * *

Позвонила секретарша:

— Пришел твой любимый Ленин. У него коронавирус. Только вышел из больницы. Надень маску и перчатки.

В приемную зашел стройный женоподобный латиноамериканец в платье. То есть иммигрант из Венесуэлы Ленин Родригес. Он заявил:

— Вот уже несколько лет я прохожу гормональную терапию. Посмотрите, какие у меня красивые груди! Я уже лег в больницу, чтобы сделать операцию и стать нормальной женщиной, как тут вы придумали ваш коронавирус, и меня выгнали из больницы до лучших времен! Теперь все ресурсы направлены на коронавирус, а меня, Ленина, не могут уже превратить в обычную женщину. Подхватил там корону, думал, сдохну. Еле выжил. Сколько надо времени, чтобы меня определить в ночлежку?

— Пару часов.

— Не могу столько ждать! Мне надо травки покурить. В больнице не мог. Я вернусь завтра.

Ленин вышел из приемной, виляя задницей.

* * *

Заходит клиент Ирвинг в приемную за направлением в ночлежку и кладет мне на стол бумажку: мол, ударно прошел двухмесячный курс терапии в нарколечебнице. Показывает грамоту. Ирвинг был лучший на всю лечебницу! Подписал клятву, что больше не будет, и теперь он другой, новый Ирвинг. Возмущается:

— Я пока к вам в офис ехал, чуть с ума не сошел! Пустые улицы, как после ядерной войны. Магазины все закрыты. Что вы тут с миром наделали, пока я в лечебнице был? Как вам не стыдно? Вы понимаете, к чему вы меня толкаете? Зачем я лечился?

* * *

Я зашел в офис в 9.30 утра. Обычно он в это время шумит. Последние сплетни, смех, все пьют кофе или завтракают. А тут гробовая тишина. Я прошел один ряд «кубиков»¹. Никого. Второй. Никого. Как после ядерной войны. Я увидел, что в третьем ряду в дальнем «кубике» горит свет. Подошел. Там сидел иранец Фарух и пил очень ароматный восточный чай с бубликами. Он увидел меня и обрадовался:

— О, значит, я сегодня буду не один! Слава богу! Хочешь чайку? Я должен рассказать тебе эту историю. Я служил в армии во время ирано-иракской войны, и как-то мы попали в окружение. А иракцы на этом участке фронта пленных не брали...

Тут нас перебил стук в дверь приемной. Это были отпетые уголовники, которых только сегодня освободили после многолетнего заключения. Они хотели продуктовых талонов и направления в ночлежку. Фарух посмотрел на компьютер и надел маску:

— Ладно. Потом расскажу. Я беру на себя того, который отсидел десять лет за ограбление банка, а ты — того «замечательного» товарища, который жену убил. Вперед! По коням!

¹ Здесь: разгороженные рабочие места для сотрудников. — Прим. ред.

* * *

Сегодня на работе было пять человек из пятидесяти. Насколько я знаю из дошедшей до меня информации, двадцать пять отсиживаются дома, а двадцать заразились коронавирусом. Из этих двадцати — пять в тяжелом состоянии в больнице, пять лежали в больнице несколько дней и вышли.

От клиентов никто не заразился, потому что все держатся от них на расстоянии и даже, несмотря на запреты, надевают маски и перчатки. И потом еще тщательно моют руки и все предметы, которых касались клиенты, протирают спиртом.

Половина заразилась во время профсоюзного собрания от президента профсоюза, который сам не знал, что у него вирус. Другая половина — от родных или друзей...

* * *

Мексиканка-уборщица пришла к моему «кубику» в скафандре. Брызгает везде, протирает и спрашивает сквозь маску:

— Алекс! Ты же еврей?

— Ну да.

— Вчера в еврейском религиозном районе — Боро-парке — были похороны известного раввина. Я там раньше работала и все знаю. Тысячи евреев собрались. Ты там тоже был?

— Нет.

— Как не был?! Какой же ты еврей после этого?! Как тебе не стыдно? Где твоя совесть? Вы, евреи, столько пережили — и не пойти? Как его... этот? Ну как? О! Холокост!!! Такой уважаемый раввин был!!! Ну, правда, они все, наверное, друг друга заразили...

* * *

Сижу в пустом офисе. Из пятидесяти человек пришли только пять. Наше бруклинское отделение прикрыли полностью. Там два начальника отделов умерли от короны. Заразили друг друга. С одним из них, гаитянцем, пересекался один раз. Смотрю сейчас в прямом эфире по интернету службу в пустом похоронном доме и похороны на кладбище. Из провожающих только священник и дочь покойного. Всё на креольском.

* * *

Коллега Хавьер подошел ко мне. Ну, относительно. На два метра. И прошептал, то есть прокричал:

— Я подозреваю, что у Фаруха из второго отдела коронавирус.

— Ну, я его сегодня видел. С чего ты взял? Он не кашляет, не чихает.

— А ты слышал, как он говорит?

— Как?

— Он сдерживает кашель. У него голос хриплый.

— Не знаю. Я ничего такого не заметил.

— Тебе плевать на твою жизнь. Вы, русские, фаталисты.

Хавьер махнул на меня рукой и пошел во второй отдел в другом конце офиса. Слышу оттуда перебранку:

— Фарух! Ты болен! Иди домой. Ты подвергаешь риску свою жизнь и жизни своих коллег.

— С чего ты взял, что я болен?

— Ты говоришь по-другому!

— Как по-другому?

— Ты сдерживаешь кашель!

- Ничего я не сдерживаю!
- Сдерживаешь!
- Нет, не сдерживаю!
- Тебе хочется чихнуть!
- Ничего подобного!
- Убийца! И эгоист!

Хавьер вернулся за свое рабочее место недалеко от меня, обхватил голову руками и расплакался:

- Мы все погибли!

* * *

Сегодня на работу не вышли оба. Означает ли это, что Хавьер испугался заразиться? Означает ли это, что Фарух действительно был болен? А может быть, наоборот?

* * *

Хавьер мне звонит на рабочий:

- Ну что там Фарух?
- Сидит в своем «кубике».
- Я боюсь из-за него приходить на работу. Он кашляет или чихает?
- Вроде, нет.
- Подойди и поговори с ним.
- О чем? И он в маске, и я.

— Неважно. Пусть он скажет какое-то длинное и сложное слово. Если все нормально произнесет — пускай тогда скажет весь английский алфавит. И слушай внимательно, есть там спрятанный кашель или нет. Потом сразу мне позвони и доложи.

* * *

Моя индийская коллега Кришна плакалась вечно на работе, как она скучает по своей болеющей маме, которая осталась в захолустном индийском городке. Наконец Кришна поехала туда в отпуск и теперь не может вернуться. Дороги перекрыты. Полный карантин. Звонит мне сегодня на рабочий и плачет, что скучает по дочке в Нью-Йорке. Некоторые люди всегда найдут повод поплакать. Слышу, она там на кого-то зло раскричалась. Понял только слово «Америка». Я удивился:

— Кришна! Чего это ты там нашу страну упоминаешь? И что это за звон колокольчиков?

— У нас тут пасется одна священная корова, наглая и полосато-пятнистая, как американский флаг. В нашем местечке ее прозвали Америка. Вечно эта негодяйка к нам в огород забредает и все сжирает. Нет на нее управы. Никто ее тронуть не может! Сейчас только одна эта сволочь четвероногая может свободно гулять по городу, а всех нормальных — двуногих — полицейские бьют палками и гонят назад домой.

* * *

Позвонила секретарша:

- Алекс! К тебе пришел Артур.

Блин! В Нью-Йорке каждые три минуты умирает от коронавируса человек, а тут ко мне приходит в приемную клиент, у которого есть все воображимые болезни. Как инфекционные, так и психические. К нему подойти — чистое самоубийство. Надо побыстрее его выпроводить из офиса, пока он там не надышал и не начихал на всё. Я зашел в пустую приемную и прокричал ему за пять метров:

- Артур! Добрый день. Не подходи ко мне! Что случилось?

— Я слышал, государство дает всем клиентам по частному самолету с пилотом. Когда мне дадут?

— Я понял тебя. Иди домой! Я займусь этой проблемой.

Я вернулся за рабочий стол. Конечно, по-правильному надо было с ним сесть в приемной и полчаса ему объяснять, как он крупно неправ. Но я хочу жить. Поэтому я заполнил бумаги на самолет, поставил за Артура подпись-закорючку и положил начальнице на стол. Через месяц-другой, пройдя все бюрократические инстанции вплоть до мэрии, Артур получит примерно такое письмо:

«Благодарим вас за то, что обратились к нам с Вашей проблемой в этот тяжелый час. Ваша просьба была внимательно изучена. Мы приносим извинения, но, к сожалению, в данный момент город не считает целесообразным предоставить вам эту услугу. Если вы считаете, что мы не правы, то имеете полное право обратиться в апелляционный суд. Адрес и телефон прилагаются ниже».

* * *

Пропал мой клиент-алкоголик Кеннет. Третью неделю ему звоню, оставляю сообщения, а он не перезванивает. Никогда такого не было. Думаю, убил его этот ужасный коронавирус. Уже мысленно похоронил. Сегодня он мне звонит, в доску пьяный, и плачется:

— Я наконец-то принял решение лечиться от алкоголизма. Лег в лучшую специальную клинику. И, вроде бы, уже начался прогресс. И тут обнаружили у какого-то больного корону, нас всех разогнали по домам и клинику прикрыли. Так я теперь опять буду пить, получается? Чертов коронавирус! Как я его ненавижу! Один раз в жизни я решил завязать! Где справедливость?

* * *

Вилли сел напротив меня в приемной:

— Где мой ведущий — Роберт?

— Он умер неделю назад.

— Могу я тогда говорить с начальником его отдела?

— Он умер позавчера.

— Слава богу! А что будет теперь со всеми делами, которые они вели?

— Дела все выброшены. По окончании эпидемии будет переаттестация всех выживших клиентов и ведущих. Все начнем с нуля.

— Великолепно! Роберт и его начальник вели дело по выселению меня из ночлежки, потому что у меня в комнате обнаружили кокаин и пистолет. Значит, меня теперь не выселят?

— Значит, не выселят!

— Ура! Сегодня у меня праздник! Алекс! Вы мой благодетель! Если вы когда-то окажетесь в тюрьме в Южной Каролине, скажите всем, что знаете Вилли Томпсона, и у вас не будет никаких проблем.

* * *

Позавчера начальника первого отдела Кевина выписали из больницы, и в первую ночь дома он стал задыхаться и умер до приезда «скорой». Я стоял и смотрел на его «кубик». Горы бумаг на столе. Думал, вернется и все доделает. Кто знает, откуда этот коронавирус взялся и как он убивает? «Космонавты» в белых скафандрах дезинфицировали его «кубик». Складывали все в специальные мешки и выкидывали. Год назад я ходил с Кевином на конференцию в приют Девы Марии. Как он пристыдил клиента Диего, который пьяным бегал голый с мачете по женскому этажу ночлежки и стучал этим мачете во все двери! Как Кевин цитировал ему наизусть главы из Библии! Клиент аж разрыдался и дал слово, что пойдет лечиться от алкоголизма. Мировой мужик был Кевин! А Диего мне звонил сегодня из Девы Марии — опять запил.

* * *

Безумный наркоман Кен сел напротив меня в приемной и решительно заявил:
— Я требую, чтобы моего ведущего Роберта немедленно уволили и никогда больше к работе с такими больными людьми, как я, не допускали. А меня переселили в другую ночлежку. Я даже написал официальное заявление. Отдайте вашему директору.

Я задумался: сказать ему прямо сейчас, что Роберт четыре дня тому назад умер, или не подставляться? Кто знает, как этот сумасшедший отреагирует.

— Кен! Скажи, в чем проблема? Я могу помочь?

— Роберт меня направил в эту проклятую комнату в ночлежке. Номер 513.

— А что в 513-й не так? Тараканы? Мыши? Потолок обваливается? Наркоторговля? Перестрелки в коридорах?

— Хуже! Вот уже четыре ночи подряд ко мне является в комнату Роберт в виде привидения, берет со стола маску и перчатки. Сдергивает с меня одеяло и с моей маской летает по комнате и говорит: «Кен! Не забывай носить маску!» Как он смеет после пяти вечера ко мне приходиться и учить жизни? Вам законом запрещается! Я буду на него жаловаться в мэрию! Уволить его немедленно!

* * *

Как можно узнать, что у нас нет сегодня охранников? Просто заглянуть в зал ожидания. Плохо пахнувший Мэтью сидел без повязки и пил виски прямо из горла. Еще он, покашливая, затягивался сигаретой. Спорить или доказывать ему что-то бесполезно. Надо как можно быстрее его выпроводить. Я позвал Мэтью приглушенным голосом через повязку в «кубик» приемной.

— Добрый день, Мэтью. Чем могу помочь?

— А где мой любимый ведущий и друг Роберт? Хочу только с ним говорить.

— Должен тебя расстроить. Твой приятель умер три дня назад.

Мэтью упустил сигарету изо рта и уронил бутылку на пол. По «кубику» разнесся булькающий шум и опьяняющий резкий запах. Клиент забыл о виски, немедленно обмотал лицо шарфом, как будто я его сейчас заражу, и пересел на дальний стул. Спросил испуганно:

— Мне не дали наличных в апреле. Что случилось?

— Иди домой. Я поговорю с твоим бухгалтером. Какая-та ошибка. Завтра или послезавтра будут.

— Я вам верю. Мне очень нужны эти деньги. Сами видите. Этой бутылки мне должно было хватить на три дня.

Мэтью выскочил из офиса как ошпаренный. Я пошел назад на свое рабочее место. Денег завтра или послезавтра не будет. Бухгалтерша, которая выписывала чеки в отделе, где работал Роберт, сама на вентиляции легких. Бухгалтерши других отделов на работу не вышли. Может, завтра выйдет хоть одна. Или хоть один охранник.

* * *

Пришел утром на работу, включил комп, читаю служебное сообщение и чуть со стула не падаю. Целых четыре наших сотрудника из других центров умерли. Четыре за день?! Многовато! Пора валить с этой работы. Я встал и подошел на ватных ногах к коллеге в другом «кубике». Он успокоил:

— Что ты так нервничаешь? Эти четыре не за вчера. Это с понедельника, а сегодня уже четверг.

— А-а-а. Ну, если с понедельника... Не могли так прямо и написать?

Я успокоился и вернулся в свой «кубик».

* * *

Наркоман Терри зашел в приемную:

— О, Терри! Где был? Я к тебе месяц назад заходил в ночлежку, оставлял по телефону сообщения. Никто не знал, где ты. Думал уже, что в это опасное время тебя коронавирус зацепил.

— Ой, Алекс. Спасибо, что переживаете за меня. Мне надо восстановить мои продуктовые карточки и пособие.

— Так, а где ты был столько времени?

— Как только все это началось, я сбежал домой к родителям на ферму в западном Техасе. Думал, на две-три недели. Пережду там и родителей и братьев навещу. А наш грозный шериф из-за эпидемии взял и перекрыл все въезды и выезды в округ. Везде блокпосты. Никого никуда не пускает. Диктатор! И вот через три недели подходят к концу мои запасы сами знаете чего, и где я там, в глуши, это достану? И уехать никуда нельзя. А здесь, в приюте, мои вещи, и еще в парке возле приюта много чего спрятано. Чувствую: скоро ломка начнется.

— И как с таким суровым шерифом ты умудрился вернуться в Нью-Йорк?

— Украл на соседней ферме коня и поскакал по ночной дороге. Полиция засекала. За мной гналась, но я через лес, по оврагам. Я там каждую тропинку, каждую кочку знаю. Оторвался, выскочил в штате Нью-Мексика, подъехал к автобусной остановке, поцеловал коня, привязал его к кактусу и сел на автобус «Феникс — Нью-Йорк». В автобусе сразу уснул, и мне снилась моя заначка.

* * *

Тошная наркоманка Кейша зашла в приемную, пошатываясь, в повязке и покашливая:

— Я только из больницы. Лежала там с коронавирусом. Мне нужны продуктовые талоны, наличка и направление в ночлежку.

— Хорошо. А где ваши документы, справка о выписке из больницы?

— Ничего нет. Они не отпускали. Говорили, что еще не вылечилась. Я сбежала.

— Ну, надо было, наверное, вылечиться вначале.

— Я не могла этого выдержать. Там так депрессивно! Все вокруг умирают.

— Без справки ничем не могу помочь. Вам надо назад в больницу.

— Вы, я вижу, отказываетесь войти в мое положение. Вот вы сами хотите жить?

* * *

Звонит освободившийся три месяца назад клиент Хосе:

— Алекс! Что за безобразие? Я со своими друзьями из «Латинских королей»¹ тусим на крыше моего дома. День рождения любимой герлфренд — матери моих троих детей, никакого оружия или наркотиков. Ничего нелегального не делаем, а тут заявляется полиция и всем выписывает штраф, а меня как организатора вечеринки арестовывает. Объясняют, что ходит-бродит какой-то опасный для здоровья вирус и мы нарушаем карантин. Какой карантин? Я за последние три месяца был в двух огнестрельных разборках. Это чудо, что меня не задело. Чего я должен бояться какого-то вредного для легких коронавируса?!

* * *

Я подошел к осиротевшему «кубику» покойного коллеги. Ему было семьдесят два. Стул, компьютер, гора бумаги. Почему он не ушел на пенсию в шестьдесят пять? Еще я думал вчера, что начальница моего отдела дома прячется, а сегодня выяснилось, что она потеряла сознание прямо посередине перекрестка. Ее забрали в больницу. Что происходит в этом безумном городе? Тут приоткрыла дверь секретарша:

— Алекс! Пришла твоя любимая трансуха Тамара-Борис. Хочет видеть только тебя.

Я вышел в приемную. Тамара-Борис была молодым трансом и бывшей наркоманкой. Всегда одета в самое модное и дорогое. Наверное, воровала в магазинах или подрабатывала проституцией.

— Алекс! Куда вы меня поселили?

¹ Latin Kings — латиноамериканская криминальная группировка. — Прим. автора.

— Я тебе нашел комнату в специальной трехкомнатной квартире. В каждой комнате по трансу. Зачем тебе приют, где тебя могут обидеть? А в квартире только такие же, как ты.

— Вы не могли найти мне в соседи нормальных, человеческих трансов? А вы знаете, что они воруют мои вещи? Вы не представляете, что мне надо делать, чтобы на них заработать.

— У тебя есть копия заявления в полицию?

— Буду я еще к легавым ходить.

— Я не могу тебя никуда в другое место поместить без доказательств из полиции.

Мы уже послали деньги за этот месяц хозяину дома.

— Еще они украли мой метадон.

— Что?

— Ну, метадоновая клиника сейчас один день в неделю работает и выдает одну бутылочку на неделю. Они у меня уже пару раз из холодильника воровали.

— Есть бумага из полиции?

— Ну хорошо. Я знаю, что вас, бюрократов, этим не проймешь. А как насчет того, что они меня преследуют по религиозным соображениям? Они ненавидят мою религию.

— Это какую?

— Я сатанистка. Вот, я написала официальное письмо о моем религиозном притеснении.

— Сейчас из-за эпидемии в приютах нет свободных мест. Приходи через недельку, или две, или месяц, когда она закончится. Что-нибудь придумаем.

— Вы бюрократ и крючкотвор! И вы против нас — приверженцев церкви Сатаны! Я звоню моему адвокату! Вы потеряете работу!

Тамара-Борис выбежала из «кубика». Я вернулся за стол, сделал чаёк, оглянулся по сторонам по привычке, плеснул в кипяток немного виски и сделал маленький обжигающий глоток.

* * *

Рональд пришел за направлением в ночлежку прямо из тюрьмы, которую расчищали из-за эпидемии. Я устало спросил сквозь повязку:

— Где справка об освобождении?

— Ой, начальник! Потерял.

— Ладно. Разберемся. Побудь в зале ожидания.

Я вернулся в свой «кубик» и посмотрел Рональда в компьютере.

Блииииииннн!! Комп показывал, что он еще в тюрьме и ему еще пару лет сидеть за вооруженное ограбление. А кто же тогда сейчас в зале ожидания? Он сбежал? Скорее всего, в компьютере еще не отметили, что отпустили. Сбежать из тюрьмы, а потом явиться в государственный офис за продуктовыми карточками и ночлегом было бы уже слишком. Я пошел искать по офису, кто бы мог разобраться. Но никого из начальства не было. Что делать? Я сам набрал тюрьму по телефону. Трубку взял дежурный.

— Я из соцслужбы. Вы Рональда сегодня выпустили?

— Я простой надзиратель. Не знаю, как в компьютере посмотреть. Все начальство дома на больничном или с осложнениями в больнице.

— Ясно. Спасибо.

Я положил трубку и распечатал Рональду направление в ночлежку.

* * *

Когда началась эпидемия, моя шестидесятилетняя коллега Мэгги спряталась дома. И в принципе она была права. Трое наших сотрудников 60+, которые продолжали ходить на работу, умерли от коронавируса. Мэгги отсидела дома все больничные дни и все отпускные. Сейчас за то, что она дома, ее, конечно, не уволят, но и зарплату не

платят. Мэгги беспокоится и терроризирует телефонными звонками весь отдел. В том числе и меня:

— Алекс! А если я выйду завтра, меня коронавирус не убьет?

— Откуда я знаю?

— А ты ничего не можешь сделать? Мне так деньги нужны. Нечем платить за квартиру. Вы же, русские евреи, такие умницы!

— Что конкретно ты хочешь, чтобы я сделал? Договориться с коронавирусом, чтобы он тебя не трогал? Дать ему взятку? Выпить с ним водки?

* * *

Со мной, кроме уголовников и наркоманов на работе, никто не хочет встречаться. Ни девушки, ни друзья, ни родственники. Все боятся. Оправдываются, что жить хотят. Только верный друг и алкоголик Эдик сказал:

— Я ничего не боюсь! Приезжай хоть прямо сейчас. Бери галлон¹ водки! Закуски не надо!

Тут уже испугался я. Я тоже хочу жить.

* * *

Лайла была молчаливой и проработала у нас всего полгода. Диабет. Пятьдесят пять лет. Я смотрел на еще один освободившийся «кубик», пытался вспомнить ее лицо и не мог. Четвертая в нашем офисе. Тут позвонила секретарша и сказала, что пришла клептоманка Притти, клиентка Лайлы. Я пошел в приемную. В зале ожидания дрались инвалиды на колясках и обзывали друг друга разными сленговыми вариантами слова «гомосексуалист». Охранники боялись их трогать и разнимать. Скрипели колеса и визжали тормоза. В приемный «кубик» зашла Притти.

— Я хочу поговорить с моей ведущей Лайлой.

— К сожалению, это невозможно.

— Почему?

— Лайла умерла в пятницу от коронавирусных осложнений.

— Черт! Что теперь делать? Только она понимала, почему мне надо красть в магазинах. Теперь все магазины, кроме продуктовых и аптек, закрыты. Что мне там воровать? Сметану? Прокладки? Я любила дорогие обувные. Я так от них успокаивалась.

— Ну, вроде, обувные должны открыться через пару недель.

— Не врете?

— Ну, через месяц точно.

— Вы возвращаете мне веру в жизнь. Я хочу, чтобы теперь вы были моим ведущим!

* * *

Неоднократно судимый сексуальный маньяк Адам зашел в приемный «кубик»:

— Чем могу вам помочь?

— Извините. Мне нельзя даже находиться в вашем центре. Позвольте объяснить ситуацию. Полгода назад я увидел вашу соработницу Лайлу и мгновенно в нее влюбился. Вот мой идеал женственности! Таких красивых и интеллигентных женщин я еще не видел. Я понял, что мы рождены быть вместе. К сожалению, ваша коллега сделала вид, что не понимает, о чем я говорю. Ну, понятно, как она прямо в приемной согласится? Она же такая скромная. Я в тот же вечер дождался ее у выхода из офиса и попробовал поговорить по-хорошему. Она вызвала полицию, и меня арестовали и взяли подпистку, что я больше не буду к ней приближаться. Город меня перевел в другой социальный центр, чтобы я с моей любовью не пересекался. С тех пор я наблюдал за ней по вечерам из машины, как она выходит из офиса. И вот уже месяц я ее не видел. Где она? Я беспокоюсь: не случилось ли чего?

¹ Американский галлон — 3,7 литра. — Прим. автора.

— Должен вас огорчить. Лайла умерла на прошлой неделе от коронавируса.

— О, нет!!! Вы меня убили. Как мне теперь жить? Если бы она была со мной, этого бы никогда не случилось! Никогда! Вы слышите? Никогда! Ну почему бог забирает лучших самыми первыми? Наконец я нашел женщину моей мечты! Я уже приготовил веревку, мешок и наручники, чтобы Лайлочка поняла серьезность моих намерений. Бог!!! Почему?! Как в этом городе ухаживать за женщиной?

Адам, шатаясь и держась за стены, вышел из приемной.

* * *

Пятница. Вторая половина дня. Неужели еще одна неделя окончилась и со мной все в порядке? Я вышел в зал ожидания и крикнул: «Мистер Оливер Питерсон!», как было написано у меня в компьютере. Встала длинноногая блондинка и обиделась:

— Я уже третий месяц мисс Оливия Питерсон!

Блин!!! За такое можно и работу потерять. Я десять раз извинился, объяснив, что сейчас эпидемия и у нас трое умерших сотрудников. Зашли в «кубик», и я понял, что клиентка серьезно под наркотиками. Ну, что мне делать? Наш психолог-нарколог уже вторую неделю в больнице. Я дал Оливеру-Оливии направление в ночлежку, и она, довольная, ушла.

Через час опять вызывает секретарша:

— Оливер Питерсон пришел.

Я, уже напуганный, правильно позвал ее. Как женщину. Выяснилось, что она опять пришла за направлением в ночлежку. Оливия совершенно не помнила, что была у меня час назад. Ну, мне что? Зачем психовать? Распечатал ей опять это же направление и отправил восвояси. Через полчаса она вернулась с той же проблемой. Потом был перерыв 15 минут. Потом, к счастью, офис закрылся, и я видел, как она стучала в стеклянную дверь и говорила, что ей негде ночевать, а охранники просили ее приходить со своей проблемой в понедельник.

* * *

Вызывает директриса:

— Как ты, держишься? У нас, конечно, сейчас тяжело в офисе. Столько умерло наших! Все визиты для соцработников отменены. У нас даже окон нет! Вы, бедные, солнца не видите!

— Да, сейчас нелегко.

— Как твоё здоровье?

— Вроде, ничего.

— Как обоняние?

— Не понял.

— Запахи различаешь?

— Ну, различаю.

— Ты заслужил отдохнуть от этой депрессухи, которая у нас в офисе. Развеяться.

Подышать свежим воздухом. На улице весна, солнышко. Поедешь сейчас по этому адресу. Это наш клиент, который на звонки уже третью неделю не отвечает. Не хочется вызывать полицию, взламывать дверь. Может, он уехал на время эпидемии из Нью-Йорка, может, в больнице. Если не ответит на стук в дверь — поспрашивай соседей, а самое главное, когда будешь возле его двери, хорошо там понюхай.

* * *

Есть у нас в социальном центре охранники. Самые бесправные и несчастные существа. Если соцработник чувствует опасность, он зовет охранника и уходит, оставляя того наедине с распоясавшимся уголовником или сумасшедшим.

У охранников нет никакого оружия. Им запрещается применять физическую силу к нарушившим порядок. Клиент может засудить центр, и охранник потеряет хорошую государственную работу со всеми страховками.

Все, что они могут сделать, это прибежать группой к разбушевавшемуся клиенту и просить или даже умолять покинуть центр. Некоторые охранники даже плачут и встают на колени.

Работал у нас охранник Себастьян. Добрее человека я не встречал. И трус еще больший, чем я. Но было у него очень уж угрожающее лицо. Хоть в фильмах ужасов или боевиках снимайся. Бывало, подойдет Себастьян к разбушевавшемуся алкоголику или наркоману, и клиент сразу соглашается уйти добровольно. Позавчера Себастьян умер от коронавируса. Как теперь работать? Такого лица больше ни у кого нет. Нам будет его очень не хватать.

* * *

Сегодня прихожу с обеда, а бригада космонавтов подъезжает с аппаратурой к моему кубик:

— Эй, ребята! Что тут происходит?

— Третий кубик во втором ряду?

— Ну, да.

— Умер вчера ночью в Гарлемской больнице.

— Это мой кубик! Тут какая-то ошибка.

— Вот заказ на дезинфекцию от вашего начальства.

— Я на этом месте второй год работаю уже. Я еще, вроде, живой.

Бригадир открыл папку:

— Ой, извините, пожалуйста. Это на другом этаже.

Недовольные космонавты покатали тележку к лифту.

* * *

В зале ожидания рецидивист в татуировках кричит по телефону:

— Сын! Что я слышу от твоей мамы? Что за безобразие? Я не для того сидел тринадцать лет за убийство и был досрочно освобожден во время эпидемии коронавируса, чтобы ты плохие оценки по математике получал!

* * *

Пришла сегодня голодная гейская парочка. Один из России, другой — из Латвии. Нелегалы. Приехали в Америку как туристы и остались. Деньги кончились. Российскому гею дали немного денег и направление в ночлежку. И статус беженца получит. А латышскому ничего не дали, потому что у него демократия и Европа. Но злой латышский гей сказал, что он тоже поедет в эту ночлежку, залезет к своему любимому в окно и всю еду, что россиянин купит на выданные городом деньги, съест.

* * *

Прихожу в свой «кубик» утром, а за моим компом толстяк из другого центра. Я вежливо:

— Это мой «кубик»!

— Ой, извините. Мне сказали, что работавший здесь умер от коронавируса.

— Это такой же по счету «кубик», но в третьем ряду.

— У вас столько человек умерло, что немудрено ошибиться. Еще раз извините.

Толстый человек ушел. В прошлый раз «космонавты» дезинфицировали по ошибке, теперь уже социальный работник принимает меня за умершего. Достали! Написал на листочке и повесил у входа в «кубик»: «Работающий здесь жив и здоров. Он приехал из холодной России и очень не любит, когда кто-то занимает его место!»

* * *

Взял в пятницу выходной и целых четыре дня провел в Пенсильвании на природе. Это мой первый выходной с начала этой безумной эпидемии. Перед глазами офис и лица умерших коллег. Может, у меня ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство? Во вторник вернулся в офис. Первый посетитель — наркоман Гарри:

— Алекс! Никакого коронавируса не существует! Я работаю в ЦРУ и все знаю.
— А что тогда случилось с пятью работниками нашего офиса? Они от простуды все умерли? Все, как один, за апрель?

— Поверьте мне, они не умерли. Правительство их отправило в специальный концлагерь.

— И где этот концлагерь?

— В горах Пенсильвании.

— Я там был в эти выходные. Никаких лагерей не видел. Сосны. Свежий воздух. Птички поют.

— Вы не там ездили. Я завтра принесу точный адрес, если вы дадите мне еще продуктовых талонов.

Эх, офис. Как будто никуда и не уезжал.

* * *

Сижу в кубике и хочу написать рассказик о забавном клиенте, с которым только что разговаривал. Тут коллега из соседнего кубика, которую перевели из другого центра, закрытого за то, что слишком много там было смертей, закашлялась. Потом вскочила:

«У меня боли в груди уже третий день. Наверное, вирус. Я в больницу!» — и убежала. Я даже ни разу не спросил ее имя и не видел ее лица без маски. Я стал третий раз за день протирать мой кубик спиртом. Окончил, сел в кресло. Ничего не могу вспомнить о том клиенте.

* * *

Сол пришел сегодня на работу и воскликнул:

«Я знаю, кто из нашего офиса еще умер от коронавируса, но не скажу!»

Немедленно вокруг него столпились выжившие сотрудники с требованием немедленно раскрыть имя и фамилию. Все махали руками, плакали, требовали имя и немедленно. Это выглядело уже угрожающе для Сола. Некоторые стали говорить, что маски не помогают и они уйдут немедленно. Сол не выдержал давления и признался: «Это начальник отдела Джон который ушел на пенсию полгода назад».

Все разочарованно разошлись. Раз на пенсии уже, то чего шум поднимать и народ будоражить? Ох уж этот Сол! Только бы ему побыть в центре внимания!

* * *

Безумная наркоманка Дневник Надежды (официально поменяла имя и фамилию в тюрьме) сбежала из больницы, не долечившись от коронавируса. Я ей дал направление в один приют, а ее туда не пустили без справки. Она вернулась опять в офис. Я ей дал направление в другой, ее и туда не взяли по тем же причинам. Она вернулась разъяренная, как львица, и набросилась на меня:

«Никто не хочет Дневник Надежды! А я назло всем врагам буду жить! Вам не удастся заткнуть Дневник Надежды!»

* * *

Администрация разрешила социальным работникам работать в любом центре, где им ближе к дому. Пришел к нам сегодня один. Сел возле меня. Спрашиваю его:

— Какая в вашем центре была смертность от коронавируса?

— У нас никто не умер — ноль. А у вас?

— А у нас четыре сотрудника и один охранник.

— И вас не закрыли? Всё! Я в свой центр.

Мужик надел куртку и выбежал из офиса. Ко мне подскочил начальник отдела:

— Алекс! Ты совсем не умеешь держать язык за зубами? Он бы нам помогал сегодня. И так некому работать. Ну кто тебя за язык дергал?

* * *

В приемную зашел карлик Орландо в противогазе и женской одежде. Я помог ему забраться на стул. Орландо снял противогаз и надел маску.

— Могу я видеть моего ведущего Роберта?

— К сожалению, нет. Он умер от коронавируса месяц назад.

— Ой, как жалко! Такой хороший был социальный работник! Нас, карликов, тоже покосил коронавирус. Чуть ли не каждого пятого. Особенно таких, как я — трансгендеров. Знаете, сколько у нас проблем со здоровьем! Чуть ли не каждый второй погиб. Это, чудо, что я выжил.

— Да, это трагедия нашего города. Чем могу помочь?

— А сейчас еще погромы. Я шел мимо разгромленного магазина спортивной обуви, там всю взрослую обувь вынесли, а мой детский размер остался. Ну, я пошел взял себе кроссовки, так меня вначале погромщик толкнул так, что я покатился, а потом полицейский так больно дал дубинкой. Посмотрите, какой синяк.

— Какой ужас! Вы к врачу ходили?

— Да! Надо пойти. Но сейчас я здесь по другому делу.

— Слушаю.

— Мои источники доложили, что мэрия выпустила позавчера постановление о срочной помощи трансгендерным карликам в размере \$1000. Вы можете это проверить? Номер указа — 1737В.

* * *

Печальный и бессмысленный понедельник. Такие были хорошие выходные, веселые и так все печально окончилось. Я сижу перед рабочим компьютером. Звонила Ира. Извинялась за то, что ударила. Очень извинялась. Со слезами. Но я ее знаю — она не остановится. Эти женщины-драчуны! Надо уходить? Оставаться? Проклятый русский вопрос, на который никогда нет ответа. Тут позвонила секретарша, что пришел мой друг — трансгендерный карлик Орландо. Он уже сам успел забраться на стул.

— Ну, что теперь случилось, Орландо?

— Меня замучила совесть. Я пошел в церковь и спросил себя: «Орландо! Разве тебя карлица носила беременная девять месяцев и родила, чтобы ты был негодяем-мародером? Ты же человек, на которого смотрят как на образец поведения, как на героя и активиста все трансгендерные карлики Америки! И ты воспользовался эпидемией коронавируса, волнениями и погромами магазинов, чтобы нажиться? Это что, все трансгендерные карлики такие, значит? Разве Иисус Христос умер на кресте для того, чтобы ты украл последнюю, самую дорогую модель кроссовок Найк?»

Орландо протянул мне коробку с кроссовками:

— Вот они. Адрес на коробке. Верните их, пожалуйста, в магазин!

* * *

Шесть недель назад у нас на работе было профсоюзное собрание на другом этаже. Называлось «Наш профсоюз в преддверии эпидемии». Через неделю президент профсоюза, который вел это собрание, и еще несколько присутствовавших попали в больницу с коронавирусом. Кто кого заразил, выяснить невозможно. Кто-то выжил, а кому-то повезло гораздо меньше. Я, несмотря на то что там была моя любимая пицца, не пошел.

Сегодня сижу в своем «кубике», а они ходят и зазывают пиццей на новое собрание под названием «Наш профсоюз не сдается, несмотря на потери!»